

В ВОЛОГДЕ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ В БЕРЛИНЕ

Из выступлений Василия Белова

«Жизнь подарила мне сорокалетнее знакомство с одним из интереснейших и талантливейших людей двадцатого столетия, и за этот подарок я бесконечно благодарен судьбе», - писал вологодский прозаик и журналист Василий Елесин, многолетний сотрудник областной газеты «Красный Север». Василий Дмитриевич многое мог бы, конечно, рассказать о своей дружбе с Беловым, но, увы, несколько лет назад он ушел из жизни. Однако остались записи, сделанные им на творческих встречах с читателями и писательских вечерах. Как писал Василий Елесин, «я... пытался по мере сил подробно записывать выступления Василия Ивановича Белова, которые удавалось услышать... Конечно, там не дословно все, что говорил Василий Иванович, но могу поручиться, что ход мыслей его уловлен довольно точно». Предлагаем читателям «Вологодского ЛАДА» некоторые записи В.Д. Елесина. Они, на взгляд редакции, дают представление о некоторых взглядах писателя на жизнь и литературу и том времени, ставшем уже историей.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ В ТОТЪМЕ, посвященном 50-летию Рубцова, в 1985 году

У каждого писателя в жизни есть своя река: тихий Дон у Шолохова, Пинега у Федора Абрамова, у Орлова - Шексна, у Яшина - Юг. Десятки стихов Рубцова посвящены Сухоне. Сухона его выпестовала как поэта. Хотя она сейчас в сплошной грязи, она проложила в русской истории дорогу до Калифорнии. Это великая река, она веяла для Рубцова печалью и радос-

тью: вспомните «Последний пароход», который все читали. Сегодня на Сухону покушаются нечистоплотные люди, пытаются повернуть ее на юг. Это бесперспективная и гнусная затея, но на нее тратится уже второй миллиард рублей. Вы не должны молчать, иначе рек у нас не будет, а будут болота. Я призываю: спасайте рубцовскую реку!

Тогда же состоялась поездка большой группы писателей на теплоходе по рубцовским местам. Ездили Чухин, Кожин, Передреев, Ф. Кузнецов, Фокина, Белов и другие.

Хотел бы напомнить, что в нашей

стране каждый второй брак расторгается, а это вызывает к жизни страшное явление - современное сиротство. Николай Рубцов был круглым сиротой, и это обстоятельство сильно повлияло на его судьбу. В этом смысле послевоенное поколение было несчастным, например, композитор Гаврилин по таланту и по судьбе очень схож с Николаем Рубцовым - то же сиротство. Но и сейчас количество сирот, детских домов не сокращается, к сожалению. Да, Рубцов был сиротой, и тотьмичи заменили ему и отца и мать. В Николе теперь строится новый детдом. А я желаю нашему народу крепких, многодетных и счастливых семей.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ, посвященном 50-летию Н.Рубцова в 1985 году в Вологде

Рубцов - представитель поэзии подлинной, а не фальшивой, не шумной, хотя пришел он в годы именно шумной поэзии. Я помню, как молодежь Москвы разгоняла милиция из Политехнического института. Рубцов там не бывал. Теперь интерес к «дурной» поэзии исчез, а истинная живет и будет жить. Впрочем, «шумная» поэзия исчезла не совсем - она в музыке, в вокально-инструментальных ансамблях, в шлягерах. И настоящее искусство тоже едино, оно во взаимодействии поэзии и музыки, поэзии и живописи, в таком же, в каком находится композитор Гаврилин и наш художник Страхов. Ведь народная культура непрерывна: затихает одно, ведет другое. Конечно, были и еще могут быть трудные времена для народной культуры. Все взаимосвязано и все неразрывно.

Рубцов был сильный человек, не хлюпик, а в духовном смысле и говорить нечего. Он вырос сиротой, ему выпала тяжелая судьба. Но еще неизвестно, что больше формировало его характер - трудности или спокойная жизнь.

Впервые я увидел Колю в общежи-

тии Литературного института, когда я заканчивал его, а Рубцов там учился. Увидев меня, он спросил: «Ты Белов? А я - Рубцов!» И мы засмеялись оба. Однажды он попросил разрешения использовать строчку из моего этюда - «тихая моя родина!» Эта строка стала начальной строкой его стихотворения, посвященного мне. Я не могу писать воспоминания о Рубцове, для меня он всегда живой. Вспоминаю похороны, боль остра, как тогда. Он часто снится мне до сих пор. Надо бы написать воспоминания и о Яшине, он родоначальник всех наших дел. Рубцов жил у него неделями, подарил ему флотскую кружку с якорем - больше нечего было. У Николая был удивительный такт, даже застенчивость. Одно время они с моей матерью жили у меня в деревне. Мать рассказывала, как он пил чай: две чашки выпьет, а третью стесняется попросить. Помню, как он завел меня в свою комнату, спросил: «Как ты отнесешься к этому стихотворению?» И стал читать. «Пушкина, что ли, читаешь?» - спросил я. Молчит, не отвечает на вопрос. А оказалось, что читал он свое стихотворение «Прощальный костер».

Рубцов будет жить всегда, и значение его поэзии будет только увеличиваться. Лет двадцать назад какие вопли были вокруг «шумных поэтов», а сейчас стыдно и вспоминать, они забыты. Зато Рубцов, которого обвиняли в патриархальности, живет и будет жить вечно.

ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕЛОВА НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ, посвященном 25-летию Вологодской писательской организации, 27 мая 1986 года в Вологде

Я не совсем хорошо отношусь к юбилеям, потому что все относительно. Может, Вологодской писательской организации не 25, а 250 лет, а может, и 800 лет. Вот озеро Лаче теперь в Архангельской области, но все же оно наше, вологодское. На берегах

этого озера около 800 лет назад Даниил Заточник написал знаменитое свое послание, так, может, отсюда и надо считать начало вологодской литературы? К тому же отмечать юбилей организации - способ неполный, ведь за пределами писательской организации - могучий культурный слой. Фольклорное начало его - в народе. И культура - не только литература, а литература - не только книги. У нас за пределами Союза десятки талантливых людей. В нашей комсомольской газете сегодня опубликованы прекрасные стихи сокольчанки Лидии Тепловой. Драчев, Белков и другие давно могут быть членами Союза, но у них нет книг, им негде издаваться. В Вологде нет ни издательства, ни своего альманаха. Странное явление произошло, когда закрыли 40 областных издательств.

Вологодскую писательскую организацию часто хвалили. Напомню пословицу: «Прошел огни, воды и медные трубы». Так вот, если огни и воды можно пережить, то медные трубы проходят далеко не все. Бывает же: хвалят, чтобы ты больше ничего не сделал. И потому самое главное для нас - работать.

Последнее время я занимался прозой и публицистикой, 20 листов прозы отданы в журнал, подготовлена книга публицистики. О переброске северных рек. 27-й съезд отверг идею переброски, но есть в стране силы, которые до сих пор настаивают на ней. Вот и приходится заниматься публицистикой. Наш вологодский театр не ставит мою третью пьесу. Та же история с киностудиями. Послал я на одну из них киносценарий. Деньги заплатили, а фильм ставить не хотят.

Сегодня в этом зале должны были бы быть Рубцов и Чухин. Но их нет. А такие таланты надо беречь.

Мы несем большие нравственные потери. Недавно получил письмо, пишет рабочий из Тюмени о рождаемости. Народ обеспокоен нравственным перерождением и эстетическими перекосами.

За становление вологодской писа-

тельской организации хочется поблагодарить Александра Романова, Виктора Коротаева, Сергея Викулова. Сухарев, Гарновский, Угловский - все они добивались единства организации, давили любую склоку в зародыше, понимая, что когда начинается групповщина, кончается работа.

ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕЛОВА НА ПИСАТЕЛЬСКОМ ВЕЧЕРЕ

(конец 1986

или начало 1987 года)

Хочу отчитаться за два последних года. Чем я занимался? В основном общественной деятельностью. Съезды, пленумы... Был делегатом 27-го съезда, съезда писателей, участником выездного секретариата Союза писателей в Ленинграде. Работал над исторической пьесой, над романом «Год великого перелома» из тридцатых годов, которые считаю историческими.

Общественная деятельность к добру не приводит. Однажды как члена общества трезвости вставили меня в афишу для встречи с читателями, а я был в деревне и не мог там появиться. Потом появилось читательское недовольство в «Красном Севере».

Что волнует? Волнует меня проблема семьи. В Вологде около 70 тысяч человек трудоспособного населения, половина из них живет в общежитиях. Почему считаем это нормальным? Есть люди, которые рождаются, живут и умирают в общежитиях. Волнует гибель наших лесов. Переруб расчетных лесосек, перевыполнение плана - это пиррова победа. Лес уничтожается безжалостно и безответственно. Или взять мелиорацию. 60 миллионов рублей на нее израсходовано, а толку нет. Зерно, мясо, масло покупаем за границей - это же позор!

Необходима реформа школы. Почему в школьных программах львиная доля времени отводится Маяковскому, а Пушкину - очень мало? Происходит настоящая вакханалия в музыке и живописи.

Порадовало в последнее время одно

- попытка остановить войну в Афганистане. Говорят, произошла отмена цензуры, что для литературы теперь цензуры нет. Я пытался издать «Кануны» в полном варианте, но пока безуспешно. Романом я уже не занимаюсь, занят другим делом. Много толков вызвала новая книга - «Все впереди». Почему городская? Но это не первая моя «городская» книга, ведь было уже «Воспитание по доктору Споку». Почему о Москве? А почему бы и нет? Многие выражают недоумение: неужели все женщины такие, как в романе? Но там одна только плохая женщина, а остальные... Какие есть, такие и есть. Критики, кстати, не заметили, что развод в романе происходит из-за аборта. Спрашивают: почему я использовал в романе фамилию человека, живущего в Вологде? (Бриш - В.Е.). Может быть, и зря. Это вызывает неудобство, смущение.

Записка: как я отношусь к последней вещи Астафьева? Язык у Астафьева великолепен, но вещь дерганая. Там три убийства, два изнасилования. Публицистичность ему мешает.

Что думаю об Абрамове? Прозу его оцениваю очень высоко. Здесь Фокина назвала меня братом, а я бы назвал Абрамова отцом.

Интересует меня тема верности, семьи, безотцовщины в городе. Кстати, в романе «Все впереди» выброшена важная сцена, где герои спорят о судьбе России. Они - Бриш и Иванов - оба экстремисты. Но в книге, издававшейся в «Советском писателе», это место выброшено.

Я учился не очень охотно в школе, было это во время войны, учителей не хватало...

К молодежи отношусь прохладно. Не нравится инфантильность, медленно взрослеют, легко поддаются влияниям. Отсюда - масса наркотиков, рок и прочее.

Отношение к критике. Раньше критики служили властям. Я помню, как в обкоме партии каждую отрицательную фразу обо мне подчеркивали красным карандашом и сообщали выше.

Каков смысл в названии «Все впе-

реди?» Но у Любы мечта - все впереди. Ведь мы привыкли ждать десятилетиями. Еще Хрущев объявил, что мы будем жить при коммунизме. В этом смысле название ироническое.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВЕЧЕРЕ, посвященном памяти А. Яшина в Вологде в июле 1987 года (к 75-летию поэта)

25 лет назад собрались мы в Лаврушинском переулке в Москве отметить 50-летие Солоухина. Были литераторы, родственники и Яшин - счастливый, озорной, молодой. Что бы он сказал сейчас, как бы спросил: «Ну, как вы?», «Какие стихи написал?» Он не знал рок-музыки, не знал других сегодняшних мерзостей, не знал, что цензура будет закрыта, что исчезнет анонимность контроля, ведь Яшин-то не имел права пойти к цензору-анониму.

Как отнесся бы он к изменениям в колхозах: и землю дают, а никто не хочет брать. Нас ведь 60 лет отучали от земли, а теперь хотят вернуть любовь к ней.

Моя судьба тесно связана с Яшиным. Если бы не он, я был бы сейчас, наверно, секретарем райкома. К счастью, он встретился на моем пути. Может быть, к счастью. Как-то рассказы мои «завернули» в пяти журналах. Яшин сходил, и повесть моя пошла. «Новый мир» тоже вернул рассказы, Яшин поговорил с Твардовским, и тот сразу послал их в набор. Он пестовал нашу организацию, считал, что должен восстановить в Вологде литературное движение. Десятки писателей-вологжан уехали на чужбину, а он задался целью восстановить традицию.

Оригинальный, незаурядный, мужественный, Яшин обладал обостренной совестью. Совесть была для него главным, начальство его не любило, а ему было больно обидеть даже своего врага. Он был очень азартным человеком, об этом можно судить хотя бы по тому, как он рыбу ловил. Такой же азарт был и по отно-

пению к женщинам. А ведь судьба ему выдалась трагическая: война, потом сын застрелился, да и литературная судьба не баловала, вспомнить хотя бы «Рычаги». В последний год жизни лежал у него сборник прозы в издательстве «Молодая гвардия». Денег не было, жил от одного маленького гонорара до другого, но не печатал целые книги прозы - не хотел печатать. Между совестью и мужеством была его доброта. Помню, как он обиделся, когда вышла первая моя книжка в «Молодой гвардии». Я обратился к Ошанину, чтобы он написал предисловие. Яшин смертельно обиделся, что не его попросил написать. Помню последнюю нашу поездку на Бобришный угор. Я уехал тогда, а Яшин уже знал о своей смерти. Смерть его потрясла меня. Я бывал у него на родине, написал рассказ «Бобришный угор», читал его всей семье. Некоторым не понравился, но Яшин одобрил. Но вот чего не было в рассказе: пошли на Юг, он остановился у трех берез, в основании этого треугольника топнул ногой: «Вася, здесь!» - «Что здесь?» - «Похороните меня здесь!»

Когда мы подлетали с гробом к Никольску, вдруг раскрылись облака, а когда хоронили - сотни людей несли гроб на полотенцах до самого Бобришного угора...

О перестройке. Много неприятных симптомов есть, но перестройку начали такие, как Яшин. Именно он выступал с общенародных позиций.

ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕЛОВА

на отчетно-выборном
собрании вологодских
писателей в 1988 году

Меня тревожит художественная сторона нашей работы. Говорим мы смело, разнообразно, но забываем основы художественного творчества. Теперь позволено все говорить и все делать, мы постоянно занимаемся политикой, а это наносит ущерб творчеству. Надо вернуться к эстетической стороне, ведь эстетические ценности забываются, художественность

произведений стремительно снижает-ся. Порой мы хвалим произведения, которые в эстетическом смысле слабы, но мы превозносим их за актуальность. Вот и у меня в романе «Все впереди» уделено слишком много внимания злободневности.

До предела занижены критерии в театре. Все шумят и перестраиваются, все выплывают на циничном отношении к жизни. Цинизм сегодня - преобладающее явление в культуре. Посмотрел я художественную выставку в Москве. Впечатление гнусное, будто тебя обмакнули в помойную яму. А вот журнал «Огонек» усиленно пропагандирует такое искусство. Даже в вашем ТЮЗе испохабили классику. Актеры в режиссерском тупике. На сцене - звуковые контрасты, истерики. Утверждают право театра на стриптиз. Я не могу согласиться с такой эстетикой. А такие направления культивируются у нас под видом плюрализма.

Возьмем журналистику. «Аргументы и факты» всячески пропагандируют дурную музыку. Идет пропаганда рок-музыки и в «Вологодском комсомольце», об этом я говорил еще три года назад, но газета продолжает этим заниматься, пропагандой дурного вкуса. В стране идет разрушение эстетики. 13 апреля я говорил об этом с Горбачевым, разногласий не оказалось, кроме одного. Я спросил о перспективах создания ЦК КПСС для России. Он не сказал ни да, ни нет. Но на Афганистан, Нечерноземье, лес, культуру одинаковый у нас взгляд. Говорил о засилье в средствах массовой информации («Огонек» и пр.) так называемой «массовой культуры». Он согласился. Раиса Максимовна тоже против. А я по себе знаю: как жена скажет, так и будет

Социалистический реализм у нас уже отменен. Я о нем не жалею, но не хочу отмены реализма, потому что это приведет к гибели культуры. Взять хотя бы монументальную пропаганду: у нас на главной площади стоит «Зуб Дрыгина», Двух-трехэтажную Вологду испохабили обкомом, а шип облис-

полкомовский ее совсем задавил. По новому генплану застройки, разработанному в Ленинграде, теперь можно сносить все подряд. Почему мы кланемся ленинградцам? Ведь есть у нас и свои архитекторы. Не понимаю позицию горкома и горисполкома. Спилили деревья, вместо них идолов наделали, у которых грибы из глаз растут. В Октябрьском скверике сооружены два крокодила, а у детской больницы поставлены какие-то противотанковые надолбы.

Если говорить о перестройке, она идет туго и в экономическом смысле. Горбачев обещал сократить план вырубки лесов, но ведомства и местные партийные органы оказались сильнее его. Наш обком и горкомы игнорируют указания Горбачева.

Из-за того, что я много занимался политикой, я не написал много книг. А писательская организация продолжает терять людей. Непростительна для нас гибель Сергея Чухина. Ведь мы потеряли Рубцова, а продолжаем жить все так же. Этот грех на нашей общей совести. Чухина жаль до слез, простить себе не могу. Писательская организация не растет, пассивность бюро и секретарей - главный минус. Организация должна расти любыми путями, надо тянуть и проталкивать молодежь. Я отказался от своих печатных листов в Северо-Западном книжном издательстве в их пользу. Ведь молодым пробиться очень трудно, я об этом и на писательском съезде выступал. Москва не верит не только слезам, но и нашим рекомендациям. Если так пойдет и дальше, то я не хочу состоять в таком Союзе. Право приема в Союз существует в Москве и Ленинграде, а почему не в Вологде? В общем, сложилось положение, которое нельзя терпеть. В Союзе устроились бонзы, которые издаются непрерывно и захватили все материальные блага. Надо искать возможности для издания книг молодых на месте, при «Красном Севере», например. Нужно продвигать книги через Москву, издавать за свой счет.

РАССКАЗ В.И. БЕЛОВА О МОСКОВСКИХ СОБЫТИЯХ

на писательском собрании
10 сентября 1991 года

Во время путча я был в Крыму, но немедленно стал хлопотать, как бы попасть в Москву. 20 (августа?) выехал в Симферополь. В депутатской комнате в аэропорту уйма народу, Шахназаров с семейством, какие-то дамочки... Ничего конкретного не сказал, переводит разговор на другие темы. Я купил персиков и улетел в Москву. От аэропорта довез грузин, все молчат. Обок шоссе - танковая колонна, в центре тоже танки. Высадились на площади Ногина, начал ходить по Москве: все как всегда, бросилось в глаза, что много бродяг, поехал на квартиру, начал звонить. Понял, что телефон прослушивается. Утром решил поехать в Верховный Совет, машину дали, поехал. В Кремль не пускают, пушки нацелены на Кремль.

21 утром поехал к Лукьянову. Сказали, что не примет. Передо мной Добужиев - первый зам Павлова. Денисов вышел из кабинета. У запасного выхода - кэзэбэшник. Лукьянов меня обнял. Вид жуткий, даже Бога вспомнил. «Дай Бог, - говорит, - чтобы все обошлось. Я лечу к Горбачеву».

В гостинице «Москва» зашел в парикмахерскую. Девка стрижет, а парикмахер-еврей вокруг ходит: «Что с нами будет, что вы думаете?» «А когда барана стригут, - отвечаю, - что он думает?» Пошел по Тверской на Арбат - перекрыто. Люди читают листовки, все нормально. Зашел в Верховный Совет, пообедал. Говорили, что где-то заседает Союз, - не нашел. Пошел к Белому дому. Смешно было видеть баррикады - ощущение фарса. Ребятишки хохлатые пили, пьяных много. У Белого дома тоже навалено всего, ходят туда-сюда, шпаны много. В общем, ощущение гадливости...

(На этом моя запись обрывается, т.к. Белов, заметив, что я записываю,

приказал прекратить, иначе говорить не будет).

ВСТРЕЧА В.И. БЕЛОВА С ЧИТАТЕЛЯМИ

28 октября 1992 года,

в связи с его 60-летием

У русских людей раньше не было обычая отмечать юбилеи. А сейчас тем более не до праздников. И потом - чему радоваться? 60 лет - старость, а не радость. Чем занимался последнее время? Хотел поехать в Югославию, но Союз писателей не нашел долларов, и поездка сорвалась, побывал на конгрессе Фронта национального спасения. Разных встреч было много, все я уже сказал. Разве еще сказать, сколько зубов осталось. Написал статьи «Как хочется быть обманутым», «Внемли себе». В этих статьях - все мои философские взгляды. Выступления мои тоже опубликованы. Все они собраны за три-четыре года и выйдут отдельной книгой публицистики.

Почему я был депутатом? Показалось, что была возможность повлиять на события. Кое-что удалось сделать, повлиять на раскрепощение крестьянства. Я выступал за передачу земли крестьянам бесплатно, с наветом, с передачей по наследству, без права купли-продажи. Но меня не стали слушать демократы. Выступал не только по крестьянским делам, но и против бездуховности.

Мы коммунизмом переболели, как дети корью, однако с помощью ЦРУ был спровоцирован путч. Об этом спорил с Лопатыным в самолете. Давай, говорит, доказательства. Отвечаю: будут! И собрал. У нас идет интенсивное разрушение духовного народного стержня.

Меня спрашивают: слежу ли за творчеством молодых писателей? Не успеваю. Да и что такое «молодой писатель»? Все они разные, и среди них много талантливых людей. Общество генерирует таланты, хотя сейчас за свой счет выпускается много ерунды. В Вологде поэтов и художников боль-

ше, чем в Берлине. У меня такое ощущение, что Берлин - пустой. Взять случай с Евгением Соколовым. Он же у нас не один талантливый художник, но он потряс весь Мюнхен. Сейчас нам тоже навязывают стиль жизни, при котором тоже искусства не будет. Довлатов ненавидит все русское художество. В конгрессе Фронта народного спасения участвовал Э. Лимонов. Познакомились. Жаль, не собрался ему сказать, что не могу читать его матюги. Журнал «Кубань» поставил на себе крест публикацией повести Лимонова. Матерщину тащат в литературу - вот до чего докатилось общественное сознание!

Фронтом национального спасения приняты устав и программа, есть в них и позитивные моменты. А в общем политическая борьба ведется бесчестными методами, ложь распространяется миллионными тиражами. Фронт объединил разномастные течения и разные партии, но в целом он болеет за нашу государственность. Да и как можно жить, если нет государства, когда все развалено и помыкают нами все кому не лень, начиная с Дудаева и кончая Бушем. Все они презирают нас за трусость и мягкотелость.

За эти годы написал несколько рассказов и работал над романом «Год великого перелома». В газете «День» будет опубликована глава из третьей части, хотя пока пристегнул ее ко второй части как завершающую. А третья часть пока в голове и в записочках. Надо работать, а возможности нет по разным обстоятельствам: по семейным и пр.

Спрашивают, как отношусь к идее монархизма? Положительно. Мы не обязаны подражать Западу, и так уж до того доподражались, что... Мы все-таки верим: газетам, телевидению... Почему так получилось?

Вот в записке вопрос: когда будем жить лучше? Как можно ответить? И сами ведь мы виноваты. Кого обвинять, если седьмой канал за двадцать минут показывает три вида человеческой случки, а мы ходим, как будто так и надо. Даже в дискотеке Дома

учителя одно время показывали порнофильмы. Я жене говорил: да выхлещи ты там окна! Я был в Швеции. Студенты университета, когда открылся киоск с сексуальной продукцией, сами несколько месяцев пикетировали его, никого не подпускали. Киоск прогорел, исчез. А наши учителя? Никто и не протестовал. Както зашел в Дом быта, там мальчишки-семиклассники крутятся, сексфильм идет, сидят, смотрят. А показывает молодая девушка. Спрашиваю: «Вам не стыдно?» Она удивилась. Стыд попросту исчез. Так что если ваш сын или ваша дочь пойдут на преступление, то винить некого. Если напьются - тоже винить некого: ликероводка столько выпускает, что полмира можно спойть. У нас вон столовая-пивная возле библиотеки. Так что заслужили мы и это правительство, и этого президента. Каждый сам должен действовать. Если ты не почистил ботинки, так кто виноват? Разве вологжане не могут разгромить этот седьмой канал? Я звонил начальнику канала, он мне цитирует письмо: дочь и мать пишут и защищают эту гадость по телевидению. Я сказал. «Ну что ж, не жалуйтесь, если вам разобьют стекла или вашу дочь изнасилуют в подъезде». Во всех странах существует нравственная цензура. Не верьте лжи, нужно освободиться от лжи, чувствовать, где ложь, где правда. У нас убивают в подъездах, насилуют, грабят - это результат разнузданности.

Вопрос: - Считаете ли вы, что нужно сосредоточить усилия на возрождении Православной Церкви?

Белов: - Сейчас идет агрессия против нашей духовности, а у Церкви не хватает духу сказать правду. Вся Москва заклеена плакатами баптистских проповедников. Только на афиши затрачены миллионы долларов, а проповедникам несть числа. А в Вологде? В доме, где был Советский райисполком, сидят экстрасенсы. Смешана медицина и черная магия. Кругом бесовство. И мы снова молчим. Я выступаю за нравственность, за гражданскую активность. Захожу я как-то в

«Красный Север» - там очередь человек пятнадцать. К экстрасенсу, газета сдает ему в аренду помещение. Люди приходят и отдают экстрасенсу деньги. Мы наивные люди! Мы поверили даже Кашпировскому, советскому бесу. Он временно переключает энергетику человеческого организма, а это эксперимент по манипулированию массовым сознанием, чтобы превратить ладей в стадо. Вот что страшно.

Почему-то стала никому не интересна литература. Был у нас когда-то неплохой театр. Разочарование началось, когда режиссер заставил театр раздеваться. Для него это эротика, а я вижу синюю гусиную кожу актрисы. Они думают, что этим привлекут зрителя, но на этом далеко не уедешь. ТЮЗ даст спектакль о дьяволе, и детей привозят на него целыми автобусами.

Агрессия произошла и в музыке. Мы разучились петь. Нас лишили мелодии, переключили на ритм. Целое поколение выросло на новой музыке, мелодия уже не действует, целый народ лишен своей национальной музыки.

Коммунистов не стало, но появились баптисты. Нам все это навязывают из-за океана с помощью больших денег, загоняют в резервацию и крестят по-своему. Государство они разрушили, теперь разрушают нашу нравственную основу. Пока мы будем стадом, ничего не изменится. Например, я бы с удовольствием взорвал ликерку, да ведь тут же починят. Недавно я ездил в Приднестровье. Офицеры ЦРУ ходят там открыто, именно по их планам все развивается и у нас. Бакатин - такой же предатель, как и Горбачев. Надеяться нам надо только на себя. Если хотите жить светлее, делайте сами свет!

РЕПЛИКИ И ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ на встрече московских писателей

с вологжанами

12 января 1993 года

Белов: - Сегодня у нас гости из Москвы. Таких славных гостей давно

у нас не было. Даже администратор гостиницы ошарашен. Понятно: начались святки, каждому хочется отдохнуть, а не выступать перед публикой. Ведь каждое выступление - это духовный стриптиз. Но встречаться с читателями мы обязаны. И вот мы сидим в президиуме. Президиум в переводе с латыни - небольшая крепость с гарнизоном внутри. Но у нас крепости нет, нас любой может в записке оскорбить, однако думаю, что воложане не те люди, которые могут себе это позволить.

Мы сейчас сидим в здании бывшего Дворянского собрания, видевшем много интересных людей. За его окнами - наш город. Вон Эрмитаж, бывший обком партии. Рядом - поликлиника. Напротив - гостиница «Золотой якорь», где обедал Есенин, дом Ульяновых, в котором жили ссыльные, которые стреляли в царя, да еще и зарплату получали. На площади когда-то стоял Иоанно-Предтеченский храм. Вологодское падение началось с храма Иоанна Предтечи. Фрески фривольные там были, Петр I увидел их и захохотал. До революции в Вологде было 55 действующих храмов. Теперь открыто несколько новых приходов. В общем, в Вологде что ни дом, то история. Я помню, как взрывали этот храм и растаскивали танками. Теперь вместо взорванного обыденного храма построили «зуб Дрыгина», а напротив него - Вечный огонь, подобный парижскому.

Представлю наших гостей: Вадим Кожин - давний друг города, у него здесь много друзей, знаток поэзии. Михаил Лобанов - критик прозаик, общественный деятель, автор книги об Островском. Автор рецензии на книгу Алексева, где впервые сказано о геноциде русского народа. Юрий Кузнецов, чья поэзия не похожа ни на какую другую. Валентин Распутин - вы все его прекрасно знаете. Игорь Шафаревич - известный математик, автор трудов по теории чисел, талантливый публицист и общественный деятель. Его книги открывают глаза на нашу историю, он интересно мыс-

лит по истории коммунистических движений. Его книгу «Русофобия» должен знать каждый грамотный человек.

(Слово предоставляется В.Кожину, после чего Белов отвечает на записку):

- В записке спрашивают: «Вы писатели или политики?» Я думаю - и то, и другое. Иногда надо не писать, а кричать с трибуны.

Спрашивают: «Как вы смотрите на позицию Черниченко?» Я думаю, что надо дать ему гектар земли и посмотреть, что он на ней вырастит. Нельзя допускать куплю и продажу земли. Она должна принадлежать крестьянину, который живет на ней. Все Черниченко спекулируют Родиной, своей землей.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ

14 января 1993 года

в администрации области
с участием московских
писателей

Белов: - Литература вологодская началась с Даниила Заточника - с XII века, а мы только ее последователи. Мы недооцениваем духовную литературу, а я считаю, что Игнатий Брянчанинов - великий писатель.

Вопрос: - Писатели ударились в религию. Почему?

Белов: - Что значит религия? Она была всегда. Религия началась много веков назад, так почему я должен отказываться от духовности моих предков? А вообще - это глубоко личное дело каждого. СМИ нас больше тянут к католицизму. Они экстрасенсов и православие перепутали, все в одну кучу свалили, а ведь православие всегда было против католицизма.

Второй вопрос: - Не кажется ли вам, что расслоение общества ведет к новому 17-му году?

Белов: - Сегодня нельзя ничего спрогнозировать, хотя эти последние годы кем-то и спрогнозированы. Но

если пойдет дело к новой революции, я буду сопротивляться.

Белов о себе: - Я всегда испытываю чувство неловкости, когда меня называют писателем. Не было такой профессии. Даже у Чехова на дверях была табличка: «Доктор Чехов». Писать - это как с женой спать: нельзя насильно, а только когда захочешь. А насильно даже в публицистике ничего не выйдет. Я писал «Бухтины» с удовольствием, «Кощея» за 20 дней в Коктебеле написал. Самые хорошие рассказы писались легко и с наслажде-

нием. Политикой занимался года два, вынужден был заниматься публицистикой, целую книгу собрал, да издавать не хотят. В «Советском писателе» книга лежит, даже третий том пятитомника не выходит. Постараюсь работать и дальше, но чтобы сбить с ритма - достаточно телефонного звонка. Пишу немного, примерно страницу в день. Перед приездом гостей закончил две главы для третьей части «Года великого перелома». Хочется написать вторую часть пьесы об Александре Невском.

ВОРОНОВ Ю.А. Скорбь. Серия «Лирика Рубцова». 1981. Бумага, цветная линогравюра